О БЕЗРОДНЫХ КОСМОПОЛИТАХ И ИХ ГОНИТЕЛЯХ

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-Й СТР.).

Ринулись они на Татлина и Мейерхольда, полагая, что их национальная принадлежность не вызывает сомнений...

Все это в ту пору вызвало отвращение у подавляющей части, если не у всей русской интеллигенции, брезгливо обходившей активных устроителей духовного погрома, литераторов, запятнавших себя участием в травле честных людей.

— Может, стоит все же сказать, кто и как повел себя в те дни?

— В нелегкие для себя годы я постоянно ощущал поддержку и сочувствие со стороны многих близких и не только близких людей. Когда и звонить было небезопасно — мы ждали со дня на день ареста, — десятки людей находили нас с Валентиной Филипповной в наших скитаниях по Москве и Подмосковью, говорили так необходимые тогда слова поддержки и доверия, помогали жить. Выдающийся режиссер, истинный русский интеллигент Алексей Дмитриевич Попов делал все возможное, чтобы облегчить нашу участь. Именно тогда мне открылось величие души этого человека.

С вызовом гонителям и трусам звонил из театра режиссер Д. Тункель: шел к людям, с которыми не был до того в особой близости, но теперь в беде пришло непоколебимое решение — не оставить в одиночестве. Из Харькова приехал драматург В. Добровольский, из Киева — В. Некрасов, из Краснодара — Н. Винников, приехали, чтобы поддержать, в том числе и материально.

Случалось, психологически помогали и люди другого круга, непредвиденные, не бывшие близкими ни прежде, ни потом, такие, например, как генерал С. Шатилов — заместитель начальника Главпура.

Особые, еще с довоенной поры, отношения связывали меня с К. Симоновым. Будучи одним из руководителей Союза писателей, принужденный участвовать в официальной кампании, он надеялся, согласившись в какой-то момент выступить с докладом на собрании писателей, ввести ее в «цивилизованное русло», без грубости и площадной брани. Это была утопия, такое не могло удасться, не может быть цивилизованного разбоя. И он, Симонов, потерпел горькое поражение.

Но дом Константина Симонова был для нас открыт, он звал — понимал, как важно быть впущенным в дом не с черного хода, помогал устоять в беде.

Я молюсь на друзей: выше дружбы, открытой, достойной, не могу поставить ничего. Это подвиг долгий, совершенный не в порыве борьбы, не вдруг, а мощью и одновременно простотой нравственного начала.

Враги тоже обозначились со всей определенностью. Они были черны, неопрятны, сильны, но не всесильны. Не в них была мощь и сущность жизни. Помимо непосредственных гонителей, таких, как А. Первенцев, А. Суров, А. Софронов, среди них оказались и коллеги — критики вроде Д. Заславского или модных карикатуристов, усердствовавших в те дни.

Еврею — если он согласился служить мамоне лжемарксизма, помогать травле гонимых, готов на компромисс с совестью или не нуждается в компромиссе по причине растленности натуры, — будут предоставлены возможности активной деятельности.

Шквал обличительной кампании покатил по страницам всех печатных органов, нарастал. Голоса становились все визгливее, непримиримее. «Литературная газета»: «Критики-космополиты даже писать не умеют по-русски, они разговаривают на каком-то воляпюке, диком и странном для русского читателя». «Культура и жизнь» объявила Всеволода Мейерхольда «враждебным нам человеком, целиком зависящим от растленного декадентского западного театра». «Вечерняя Москва» («Вечерка» и тут проявляла «оперативность»!) сообщила о собрании партийного актива Краснопресненского района, на котором открылось, что «на биологическом факультете МГУ, где долгое время подвизались вейсманисты-морганисты, еще не до конца разоблачены последыши реакционных «теорий», а на филологическом «руководящие посты до последнего времени занимал представитель буржуазного, формалистического направления Виноградов».

Так, начавшаяся на театральном плацдарме борьба против вымышленных «космополитов» стремительно вливалась в общий поток наступления лженауки и лжекультуры на все здоровое, сохранившее верность истине и здравому смыслу. Родовой же чертой этой грязной возни был антисемитизм: «борцы» хорошо понимали, чьим темным инстинктам потрафляют, какие опасные эмоции могут разжечь в публике.

— Борьба эта, как известно, принимала разные формы, продолжалась и после смерти Сталина, при его преемниках. У нас в «Вечерке» лет двадцать не появлялись «определенные» фамилии, словно москвичам-евреям нечего было сказать в газете. А подоплека все та же...

— У этой беды, увы, давние корни. Бороться с ней декретами и указами невозможно. Пройдя через череду преступных политических кампаний, антисемитизм набирал разрушительную силу, стремясь глубже проникнуть в души. Только честное воспитание нравственности, духовности укрепит в обществе иммунитет к этому тлетворному вирусу.

Но напрасно и даже опасно ждать, что этот процесс пойдет сам собой. Пассивность только поощрит агрессивную силу. Появление «Памяти», при всем ничтожестве ее черносотенной части, тому подтверждение.

Я убежден: всем нам — обществу, государству, партии — надо давать решительный отпор любому шовинизму и национализму, маскирующим свои черные цели то патриотизмом, то «рыцарской» борьбой с инородцами, масонами, с русофобией...

Нынешняя ситуация, рожденная перестройкой, расширяющейся гласностью, подчас обостряется избытком полемических страстей, накаленностью споров, нередко по мелочам. Расходимся в оценке книги, фильма, спектакля, но и тут же в пылу словопрений переходим на личности, вешаем ярлыки, по застарелой привычке политизируем далекие от политики явления. Лишь свое мнение считаем единственно правильным, истиной в последней инстанции, стремимся навязать его другим.

Думаю, надо чаще обращать к себе вопрос: «А, может быть, я не прав?». В той легкости, с какой набирали силу «борьба с космополитизмом», другие разрушительные кампании, мне кажется, проявилась нравственная уязвимость человека, воспитанного сталинскими «педагогами», — уступчивость нажиму, ложно понимаемый коллективизм, несамостоятельность мыслей и поступков.

Сегодня мы избавлены от страхов, что, высказав правду, потеряешь работу, свободу, саму жизнь. И все же именно страх, отложившийся в костях, проникший уже, кажется, в гены, заставляет по-прежнему отмалчиваться, обходить острые углы. В писательской массе немало людей, все знающих, понимающих, но инертных, ленящихся выступить, а то и просто проголосовать, когда это необходимо.

Я всегда заставлял себя быть неуступчивым в отстаивании истины, не проглатывал оскорбления чести, старался добиваться справедливости. И сегодня, невзирая на обстоятельства и лица, не позволяю себе отступить перед нахрапистой ложью и беспринципностью. Выйди и скажи!

Мы обязаны в каждое мгновение жизни помнить, что оставляем за собой: не только рукописи не горят — не обращаемы в пепел газеты, журналы, книги. Трудно воспитывается это чувство историзма; взгляд на сию минуту из завтра, послезавтра, издалека... Чувством этим обостренно обладали люди высокой нравственности и таланта, такие, как Платонов, Шаламов, Ахматова, Пастернак.

Все, что происходит с нами сейчас, все изменения в обществе, в политической системе станут необратимыми только воспринятые и усвоенные личностно, каждым человеком. Обретя свободу, уверенность, он сможет сознательно и ответственно выбирать позицию, действовать без оглядки, соответственно со своими принципами и убеждениями. И уже не позволит втянуть себя в игру темных политических страстей, оскорбительную для нашей давней и недавней истории.

— А когда появится ваша работа «Записки баловня судьбы» в отдельном массовом издании?

— Очень рассчитываю и надеюсь на это. Ведь опубликован журнальный вариант. Я душевно благодарен журналу «Театр» за быструю и продуманную публикацию, даже за некую полезную коррекцию моих, таких естественных авторских страстей, — в работах такого рода злость или мстительность могут только повредить. Но «Театр», само собой разумеется, опубликовал только то, что имеет прямое отношение к драматургии, спектаклям, театральной критике. Около половины рукописи оказалось за пределами публикации. Не буду пока открывать издательских секретов, но хочу верить в скорое появление книги.

Беседу вели
В. ГОРДИН,
А. ПРИЛУЦКИЙ.

ЧТО · ГДЕ

КАМЕРНЫ
в Оли

15 апреля
Ансамбль солистов
«РЕНЕССАНС»
«ГЛИНКА
И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ»
Л. СУРМА (сопрано), Ж. БЕЛЕЦКАЯ (фортепьяно), Л. РОЗАНОВА (виолончель).
Глинка, Жилин, Гурилев, Варламов, Алябьев.

16 апреля
АНСАМБЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ
«ТРИ О»
Джазовые импровизации
А. ШИЛКЛОПЕР (валторна, охотничий рожок), С. ЛЕТОВ (деревянные духовые инструменты), А. КИРИЧЕНКО (туба, вокал). В концерте принимает участие М. АЛЬПЕРИН (фортепьяно).

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ЭСТРАДЫ

ГОСУ
ТЕА
14, 15 апр
16 апреля в
Евген
в программе «
Переучету подлежат работы раз
Михаила ЗАДОРНОВА, Альберта
Александра ЛЕВЕНБУКА, Сергея
В программе принимают участи
ла ЧУВИЛЬЧИКОВА, Михаил КУ

ЦЕНТРА
имен
Концертно-зрел
ДВ
2
Конце
«ВЕСНОЙ В Л
Участвуют ансамбли: «ВЕСЕЛЫ
Павла Слободкина), «ЖЕНСОВЕТ
ПЕТЕРБУРГ».
Начало в 19 час., 22 и 23 апрел
Билеты продаются в кассах стад
Справочная служба стадиона 20
Автоответчики: 246-55-15, 16, 1

НА ЭКРАНАХ СТОЛИ
НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫ
«ПУСТЬ Я УМРУ, ГОС
Автор сценария — Галина ЩЕР
Режиссер — Борис ГРИГОРЬЕВ
В ролях: Женя ГРИГОРЬЕВА,
СКИХ, Иван ЛАПИКОВ, Игорь ЛЕ
дия ФЕДОСЕЕВА-ШУКШИНА, Лес
Юрий КАТИН-ЯРЦЕВ и другие.
Фильм о воспитаннице детского д
приглашение сниматься в кино...
Производство киностудии имени М
«Кин

ПРИГЛАШАЮТ НА РАБОТУ
Учебно - производственный комбинат Московского